

Olga Walentinowa
Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów
im. Patrisa Lumumby w Moskwie

ЯЗЫК ЦЕРКОВНОГО СООБЩЕСТВА КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ *ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАУЧНОЙ СХОЛАСТИКИ*

С 1937 года и до окончания войны в 1945 году один из самых значительных и самых читаемых русских мыслителей Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) работал учителем железнодорожной школы № 39 станции Савелово Тверской области и учителем средней школы № 14 городка Кимры. В поселке Савелове, который сейчас уже соединился с Кимрами, М.М. Бахтин поселился через некоторое время после пятилетней ссылки в Казахстан, куда он был выслан в 1929 году из Ленинграда, обвиненный вместе с другими ленинградскими интеллигентами в «заговоре».

Опыт невольного учительства вылился в работу, которая впервые была опубликована почти через двадцать лет после смерти М.М. Бахтина в журнале «Русская словесность». Эта записанная на листках школьной тетрадки работа – «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе», названная условно статьей, войдет позже, в 1996 году, в пятый том первого научного собрания сочинений М.М. Бахтина, подготовленного Институтом мировой литературы Российской академии наук.

Блистательно анализируя на нескольких примерах (два – из Пушкина, один – из Гоголя) стилистические и смысловые отличия бессоюзных предложений от синонимичных им, как это принято считать в грамматике, сложноподчинительных предложений, М.М. Бахтин объективирует главную методическую интенцию своей работы: «Грамматика, оторванная от смысловой и стилистической стороны речи, неизбежно вырождается в схоластику» [141].

Кризис методики преподавания – закономерная производная кризиса теоретической науки. Поэтому проблема методическая обнажает глобальную теоретическую проблему русистики: системная разработка стилистики грамматических (не только синтаксических) форм и на сегодняшний день отсутствует не только в методической, но и в научной литературе.

Асемантическое номенклатурное классифицирование сохраняет и, увы, наращивает свои позиции не только в области грамматики, но и в области

стилистики, поощряя добросовестно приписывать заготовленные выводы незнакомым ранее контекстам.

Поддерживаемая штампами теоретической науки, хроническая проблема российского образования в вопросах преподавания русского языка – в условиях ощутимо расширяющегося присутствия православной церкви в жизни современного российского общества – непроизвольно распространилась и на людей, получающих или уже получивших богословское образование.

Нарастающая бюрократизация российского бытия, сопровождающаяся экспансией официально-делового (бюрократического, казенного, протокольного) стиля в сферы жизни, далекие от государственно-правовых отношений, в полной мере отразилась и на языке церковного сообщества. Поучительная иллюстрация к незабываемой идеологической сентенции: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя!»

Но механически переносить хорошо известные советы по разбюрократизации языка (заменять по возможности пассивные конструкции на активные, именные – на глагольные, отказаться от сложных отыменных предлогов, меньше использовать отглагольные существительные и так далее и тому подобное) на публичные тексты, создаваемые усилиями церковного сообщества, было бы ошибочно.

Понять, что автоматизм связей между знаком и значением нарушается, могли бы помочь трансформационные замены. Возьмем несколько новостей, составленных «пресс-службой Московской духовной академии»:

«В течение первой седмицы Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились в Покровском академическом и семинарском храме преподобного Иоанна Лествичника»;

«Во время богослужения Святейший Патриарх рукоположил в диакона студента 4 курса Московской духовной семинарии Сергея Петрова»;

«В течение предшествовавших дней поста учащие и учащиеся усердно готовились к принятию святыни: говели, ежедневно молились за великопостными богослужениями».

Казалось бы, что может быть казённое сложных отыменных предлогов? Таких, как *в течение*, *во время*. Особенно когда эти предлоги отягощают и без того тяжелые казенные формы:

- два следующих друг за другом существительных в родительном падеже: *в течение первой седмицы Великого поста*;
- сложное отглагольное существительное: *во время богослужения*;
- два существительных в родительном падеже, к одному из которых относится многосложное причастие: *в течение предшествовавших дней поста*.

Почему бы не сказать *на первой седмице Великого поста, на богослужении, в предшествующие дни поста*? Текст тогда станет

лаконичным, упругим, быстрым. Особенно если мы сделаем и другие замены: *служба* вместо *богослужение*, *готовились принять* вместо *готовились к принятию*, *каждый день* вместо *ежедневно*, *молились на службе* вместо *молились за богослужениями*.

И мы могли бы сделать эти замены, если бы не видели, что ожидаемые стилистические приобретения (лаконичность, упругость и быстрота текста) обернутся неожиданными смысловыми утратами. Откажемся от предлога *в течение*, заменим его на предлог *на* – и потеряем ощущение протяженного во времени, неустанно и напряженно совершаемого духовного действия. При таком понимании высказывания

«В течение первой седмицы Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>» и

«На первой седмице Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>»

окажутся уже не стилистическими вариациями одного и того же содержания, а смысловыми антиподами. Предлог *на* (*на первой седмице молились*) изменит семантику всего высказывания: возникнет ощущение небрежности совершаемого действия и само действие (*молились*) станет более внешним, чем внутренним.

В высказывании *«В течение первой седмицы Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>»* говорится о духовном событии – о молитвенном возрастании.

В высказывании *«На первой седмице Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>»* говорится о действии внешнем, совершаемом в заданных координатах. А значит, выражение *«На первой седмице Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>»* без обстоятельства места *«<...> молились в Покровском академическом и семинарском храме преподобного Иоанна Лествичника»* будет не просто не полным, а почти бессмысленным.

Напротив: выражение *«В течение первой седмицы Великого поста студенты академии, семинарии, регентской и иконописной школ молились <...>»* обладает полнотой содержания и без обстоятельства места *«<...> молились в Покровском академическом и семинарском храме преподобного Иоанна Лествичника»*.

К схожим рассуждениям нас бы привела и замена сложного предлога на простой (*в течение предшествовавших дней – в предшествующие дни*) в высказывании: *«В течение предшествовавших дней поста учащие и учащиеся усердно готовились к принятию святыни: говели, ежедневно молились за великопостными богослужениями»*.

Сообщая внешним (иллюзорно стилистическим) фактам концептуально значимое содержание, мы были бы готовы и в, очевидно, случайно появившейся форме *предшествовавший* вместо *предшествующий* увидеть неслучайность: в форме *предшествовавший* выражается большая протяженность, чем в рекомендуемой современными грамматиками форме *предшествующий*. При одном, но обязательном условии: безупречно осознанном отношении сотрудников издательства, в котором появилась такая форма, к соотношению стиля и смысла во всех публикуемых ими текстах.

А такую осознанность еще предстоит сформировать.

Вот пример иного рода. В Московской духовной академии открыли дискуссионный арт-клуб. На открытие приехали Борис Гребенщиков – легендарный музыкант, один из родоначальников русской рок-музыки и группа «Аквариум». В клубе собрались все: и студенты, и преподаватели и семинарии, и академии, и регентской школы, и школы иконописной. Конечно, музыканты играли, но еще с ними можно было поговорить: о современной музыке, о буддизме, об иудаизме, о православии, о свойствах русской культуры. Стоило ли такую встречу называть *мероприятием* и рассказывать об этой встрече в привычной для современной публицистики казенной манере (умеренно-казенной, но все же казенной)? Пожалуй, не стоило:

«В мероприятии участвовали студенты семинарии, академии, регентской и иконописной школ, а также члены профессорско-преподавательской корпорации. В ходе встречи Борис Гребенщиков вместе с музыкантами группы «Аквариум» исполнил несколько авторских произведений, которые сопровождались живой беседой между композитором и собравшимися. Среди острых вопросов, заданных известному музыканту, – духовный опыт в традиции Православной Церкви и религиозные практики буддизма и иудаизма, сосуществование различных духовных традиций, особый путь русской культуры, место музыки в современном мире, исключительность богооткровенной христианской религии. Особое внимание Борис Гребенщиков в своих ответах уделил роли музыки в своем духовном опыте и значению православной веры в его жизни» (пресс-служба Московской духовной академии).

И в рассказе о музыкальном вечере и новом спектакле студенческого театрального кружка можно было избежать официально-деловой стилистики: *«19 февраля в стенах Московской духовной академии состоялся концертно-музыкальный вечер, в котором приняли участие студенты МДА, а также специально приглашенные гости вечера – хор учащихся школы духовного пения церкви святой мученицы Татианы при Московском государственном университете им. Ломоносова.*

Концертный вечер организован по инициативе Студенческого совета МДА в целях поддержания сложившихся дружеских отношений между учащимися Московских духовных школ и приходом храма святой мученицы Татианы.

На концерте были исполнены церковные песнопения композитора диакона Сергея Трубачева, песня Георгия Свиридова «Наташа», студенческая песня «Наша жизнь коротка», русские народные песни и некоторые другие произведения.

По окончании концерта состоялся показ спектакля «1812 год. Война одного человека», подготовленный театральным кружком МДА «Калейдоскоп». Официальная премьера спектакля состоит в Большом актовом зале 26 февраля в 13:00. Приглашаются все желающие» (пресс-служба Московской духовной академии).

Как же определиться? Почему в одних случаях мы усматриваем в канцелярских формах особый, концептуально значимый высокий смысл, а в других – предлагаем их безжалостно вымарывать? Причина такой двойственной оценки лежит в иной исторической эпохе: многие внешние показатели официально-делового стиля имеют церковнославянское происхождение. Возможно ли в современном церковном публицистическом пространстве вернуть церковнославянским формам (омонимичным формам казенного стиля) исходное значение в органичных для них, духовных, контекстах и сделать это значение более доступным для непрофессионального слушателя и читателя? Конечно, возможно. Но тогда надо если не исключить, то хотя бы свести к минимуму использование этих форм в исторически чуждых для них контекстах, где они воспринимаются только как показатели канцелярского стиля.

Инерционность – неотъемлемое свойство не только обыденного, но научного сознания (Тулмин 1984). Представление о связанности формы и значения во многом предопределяется задаваемой предшествующим исследовательским опытом инерцией восприятия: произвольное ожидание привычного мешает достоверно оценить изменившийся контекст, трансформирующий знакомую идею формы.

Склонность, исследуя в пределах семиотической системы предназначение того или иного знака (формы), приписывать этому знаку то значение, которое тот имеет за пределами этой системы, обнаруживает крайнюю степень устойчивости. Если исследователю не удастся сформировать в себе культуру преодоления автоматизма восприятия, мера искажения изучаемого объекта быстро достигает точки невозврата.

Оценка богословского текста, генетически и мировоззренчески связанного со средневековым литературным языком, сквозь устоявшийся алгоритм стилистической оценки текстов светских – через понятие

стилистической окраски – искажает содержательную сущность богословского текста. И не только тогда, когда речь идет об интерпретации форм, соотносимых с привычными представлениями о канцелярском функциональном стиле.

Но и тогда, когда характерным для богословского текста формам приписывается «архаически-возвышенная окраска». Как приписывается она, например, субстантивированным причастиям *празднословящий, монашествующий, усопший...*

За пределами такого восприятия остается понимание того, что субстантивированным причастием настоящего времени человек обозначается не как застывшая субстанция (*празднослов, монах*), а как личность, совершающая действие: суетное действие (*празднословящий*) или подвижническое делание (*монашествующий*), действие столь постоянное, что именно оно становится определяющим все бытование этой личности. Формально-логическая грамматика любит оперировать сложившимися терминами, но здесь было бы вернее сказать: не субстантивированное причастие, а субстантивируемое. Еще точнее: субстантивируемое, но не субстантивирующееся. Когда в контекстах позднесредневекового и послесредневекового периода смысловые различия начинают сводиться к различиям стилистическим, тогда начинается обмирщение сознания. Когда наука не видит за иллюзорно стилистическими различиями различия смысловые, а в богословских контекстах эти различия в подавляющем большинстве случаев оказываются мировоззренческими, тогда наука встает на путь семиотических искажений. Ведь видеть в *усопшем* не более чем «архаически-возвышенное» обозначение *покойника* или *мертвеца* – все равно, что перепутать *усыпальницу* с *покойницей* или *мертвецкой*. В религиозном семиотическом пространстве слова *празднословящий, монашествующий, усопший* не могут маркироваться как «архаически-возвышенные», поскольку они остаются единственно возможными для обозначения соотносимого с ними смысла: не всякий *монах монашествует*. Эти слова как слова «архаически-возвышенные» и не более воспринимаются сознанием житейско-светским. Для внебогословских текстов такое восприятие может оказаться достоверным.

Понятие «эмоционально-экспрессивной окраски» оказывается теперь понятием не безусловным, а относительным даже на уровне одного и того же временного среза.

Инерционное мышление, воспитанное на традициях формально-логических классификаций, признает безусловно достоверным принятое в функциональной стилистике приписывание функционально-стилистической окраски тем или иным грамматическим формам, не замечая во вновь появляющихся контекстах нарушения привычного автоматизма

связей. Выделение – наряду с научным, официально-деловым, публицистическим и разговорным функциональными стилями – церковно-религиозного функционального стиля, к которому причисляют все публичные тексты представителей церковного сообщества, будь то проповедь или выступление на митинге, со всеми вытекающими из этого выделения последствиями, включая общепринятое в традиционной стилистике ранжирование языковых средств – и лексических, и грамматических – по наличию той или иной функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске, не позволяет обнаружить тонкую грань, отделяющую стилистические вариации от смысловых антиподов.

Искажение содержательной сущности богословского текста дает не только абсолютизация принятой в функциональной стилистике классификации, но и восприятие смысловой субстанции богословского текста через привычную сетку семантических отношений «общепотребительного» языка.

Самый принцип построения обращенного вовне слова о боге оказывается подчиненным идее преодоления семантических оппозиций «общепотребительного» языка, исходяно задающих предельный угол искажения в понимании этого слова: «*Кротость и смирение – не синоним слабости. Кротость и смирение – синоним счастья*» (патриарх Кирилл). Ожидаемое восприятие кротости и смирения как проявления слабости, бессилия в противодействии силе блокируется формой утверждения через отрицание – «*кротость и смирение – не синоним слабости*», разрывающей отношения тождественности и взаимопредположения между понятиями кротости (и смирения) и слабости. Смысловое тождество «*кротость и смирение – синоним счастья*» не просто предотвращает ожидаемое восприятие силы как антонима слабости (не синоним слабости – значит синоним силы) и неслабости как синонима силы, а обнажает иную смысловую действительность, не вскрываемую семантическими оппозициями обыденного языка, а входящую с ними в отношения концептуальной несовместимости.

Вписывание же открывающегося смыслового фрагмента инобытия в знакомую схему порождает ложные ассоциативные и семантические связи, поскольку смысловая непредсказуемость – «*знание становится любовью*» (Григорий Нисский), разлагаясь на составляющие, начинает произвольно взаимодействовать с предопределяемыми семантической структурой общеупотребительного языка логико-смысловыми решениями.

Семантическая модель богословского пространства не воспроизводит прямых оппозиций «общепотребительного» языка. Однолинейное противопоставление *блага* и *зла*, *истины* и *лжи*, *святого* и *грешника* лежит вне этой модели, но часто ошибочно ей приписывается. *Благо* и *зло*, *истина* и *ложь*, *святость* и *грех* – не равносильны и не равновозможны, а потому

и их противопоставление не может быть буквальным, не может лежать в одной плоскости, а будет каждый раз осложняться онтологически необходимыми смысловыми отношениями: «*Не будучи сотворенным, зло, собственно, и не существует*» [Александр Зилонский 2005: 38]; «*Но как же может быть ЕЩЕ, ДРУГОЙ путь, когда Истина – источник всякого бытия, и вне Истины ничего нет. Если Истина есть все (– а не будучи в с е м, как же она могла бы быть Истиною?), то как же допустить какую-то Не-Истину, какую-то Ложь?*» [Флоренский 2012: 172]; «*Итак, все люди на земле грешники: нет ни праведников, нет и Святых. Есть только люди, НЕ ОСОЗНАЮЩИЕ свою греховность и испорченность пред Богом. И есть люди, которые ОСОЗНАЮТ СВОЮ ГРЕХОВНОСТЬ пред Богом*» [Архиепископ Гермоген 2006: 234]. Вне этого «усложнения» нет богословия, а есть упрощенная семантическая схема – антипод богословской мысли.

Абсолютизация схемы (классификации) – грамматической ли (о чем писал М.М. Бахтин), стилистической или лексико-семантической, изолированной от исторической мысли и от представлений о смыслопреобразовательных возможностях живой речи, одинаково пагубно отражается и на теоретическом языкознании, и на методике преподавания языка.

Для людей, получающих богословское образование, входящих в церковное сообщество, неосознание потенциальных возможностей языковой формы любого уровня становится свидетельством профессиональной, а значит, для этого рода деятельности, и духовной несостоятельности. Современное богословское образование становится невозможным без научной (не догматической) филологической мысли, необходимой для возбуждения и поддержания здоровой рефлексии не только над чужим, но и над своим словом, написанным или произнесенным на родном языке.

Литература

Александр (Семенов Тянь-Шанский) Епископ Зилонский *Катехизис*. Москва, 2005.

Архиепископ Гермоген *Проповеди о вере и спасении*. Москва, 2006

Бахтин М.М. *Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе*, в: М.М. Бахтин Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. Москва, 1996, с. 141–156.

Флоренский П.А. *Столы и утверждение Истины*. Москва, 2012.

Summary

Church Community Language as a special object of study
on the experience of overcoming scientific scholasticism

The expansion of Russian Orthodox Church's presence in the public life of contemporary Russian society has raised a genuine interest of linguists to study the church community language. However, the use of formal logical classifications, which still prevail in Russian language studies, led, as the author of the article shows, to distorting of the essence of the object of study.